

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.23671/VNC.2020.74.58005

СИСТЕМА ПРИЧАСТИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

З. И. Годизова
Д. В. Габисова

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что причастие в современном осетинском языке не привлекало активного внимания ученых, имеются лишь общие описания причастий, а специальные исследования, посвященные причастиям, практически отсутствуют. Представляется интересным и актуальным сравнение системы причастий и их грамматических особенностей в осетинском и русском языках. Этот интерес обусловлен принадлежностью сопоставляемых языков к общей индоевропейской семье языков, а также тесным их взаимодействием в условиях двуязычия, что, очевидно, может отразиться и на системе причастий. Научная новизна данной статьи заключается в том, что в ней исследуются грамматические особенности всех разрядов причастий в осетинском языке в сопоставлении с русским языком. На основании проведенного анализа установлено, что в современном осетинском языке система причастий включает пять разрядов, разнообразных в своих грамматических проявлениях, в степени регулярности, в склонности переходить в состав других частей речи. Выявлены наиболее значительные отличия осетинских причастий от русских: существование причастий будущего времени в системе осетинского языка, отсутствие у причастий показателей времени и залога, а также именных грамматических категорий (падежа, числа, рода). Установлено также, что в осетинском языке категория вида в большей степени управляет категорией времени, в силу чего несовершенный вид причастий предполагает только настоящее время, а совершенный – только прошедшее; отсутствует четкая залоговая оппозиция причастий в осетинском языке. Определено также, что осетинские причастия не имеют членных (полных) форм, но функционируют в роли и сказуемого, и определения, хотя в большей степени тяготеют к предикативной роли. В осетинском языке причастия гораздо менее употребительны сравнительно с причастиями в русском языке и чаще вступают в отношения грамматической омонимии с другими частями речи.

Ключевые слова: осетинский язык, русский язык, причастие, грамматические категории, категории вида, времени, залога, конверсия.

Осетинский язык, являясь одним из языков иранской группы, входит в индоевропейскую семью языков, как и русский язык. Глагол в осетинском языке имеет те же грамматические категории, что и русский глагол (вид, залог, время, наклонение, лицо, число), за исключением отсутствующей в осетинском языке категории рода. В систему осетинского глагола также входят личные, спрягаемые и неличные, неспрягаемые формы – причастие, деепричастие, инфинитив.

Согласно широкому пониманию глагола причастие является одной из глагольных форм, но при этом значительно отличается от центральных в глагольной системе личных форм. Эти отличия касаются и общего категориального значения, и набора грамматических категорий, и синтаксических функций.

Причастие в осетинском языке не привлекало активного внимания ученых, имеются лишь общие описания причастий (см., например: [1; 2; 3; 4]), а специальные исследования практически отсутствуют, за исключением единичных работ, рассматривающих лишь некоторые аспекты системы причастий [5; 6]. Это подтверждает недостаточную изученность причастий в осетинском языке и актуальность предпринятого исследования.

Система причастий в осетинском языке представлена пятью разрядами, имеющими специфические грамматические особенности, различающимися степенью употребительности.

Два из этих разрядов – причастия на *-д / -т* и причастия на *-аг* – являются самыми регулярными.

Причастия на *-д / -т* по своим грамматическим признакам соответствуют страдательным причастиям совершенного вида в русском языке. Они очень результативны за счет семантики совершенного вида и прошедшего времени. Совпадая с основой прошедшего времени, эти причастия восходят к древнеи-

ранскому причастию на *ta* и образуются посредством суффиксов *-т-, -д-* [4, 271].

Специфической особенностью данного разряда причастий является то, что независимо от наличия префикса они выражают семантику совершенного вида и прошедшего времени, из чего можно заключить, что эти значения выражаются в них именно суффиксами *-д-, -т-*: *ахст лаг* – *пойманный (заключенный в плен)* мужчина, *саерст кау* – *обмазанный* плетень, *конд хуым* – *вспаханное* поле, *амад хадзар* – *построенный* дом, *ихсыд дур* – *истертый* камень и т.д. Префиксальные образования возможны у этих причастий, но встречаются они достаточно редко: «*Куыддар хъуынахæрд багласы бындæфхадыл алаууыд, афтæ дын лаг æвиппайды, бынмæ, зæххы скъуыды афардаг*» [7, 199]. – «Мужчина исчез под землей, наступив на **сгнивший** корень дерева»¹.

Видовая семантика конкретизируется в них как *конкретно-фактическое* значение [10], для которого актуальными компонентами являются конкретность, единичность действия, достижение им своего предела. Результативность обуславливает часто двойственный характер видовременного значения, отсылающего не только к действию, но и к состоянию, явившемуся результатом этого действия (перфектное значение), например: «*Фæлаг ахст лагмæ салдаты маесты æртхъираентæ хъуысгæ дæр нал фæкодтой*» [7, 48]. – «Однако угрозы солдата не дошли уже до ушей **пойманного** (пойман раньше и находится здесь сейчас. – Авт.) мужчины».

Более типичная синтаксическая функция причастий на *-д / -т* – функция сказуемого, хотя они могут выступать и в качестве определения: «– *Магæй уæхи ма хæрут, мæ амонд конд у, дари къабайæгтимæ уæм зындзынæн...*» [7, 96]. – «– Не стоит беспокоиться, судьба моя **решена** (букв.: **сделана**. – Авт.), скоро буду у вас с отрезами на платье».

Предметом дискуссий является залоговое значение причастий на *-д / -т*. Одни ученые определяют его как только пассивное [2, 63], другие характеризуют его в зависимости от переходности-непереходности глагола как действительное или страдательное [3, 353].

Наш языковой материал подтверждает преимущественно страдательное значение этих причастий, хотя в значении действительного залога они тоже встречаются, но очень редко. Например: «*Дæхи ивылд доны баппар, зæгъгæ, уæд дæр фæстæмæ нæ фæкастаид, йæхи дзы балер кæсагау басхуыстаид*» [7, 252]. – «Если бы ему кто-то предложил броситься в **разлившуюся** реку, он без раздумий бросился бы, подобно форели».

Причастия на *-д/-т* в сочетании с вспомогательным глаголом *кæнын* часто входят в состав сложных форм глагола (*фыст кæнын* – пишу, *цыд кæнын* – иду, *бадт кæнын* – сию и т.д.).

В русском языке страдательные причастия СВ наиболее склонны к адъективации, т.е. переходу в состав прилагательных [11]. Причастия на *-д / -т* подвержены этому процессу в гораздо меньшей мере, например: «*Змæст доны сæрты куы 'рбагæпп кодта, уæд уæззау лæгæн дурыл йæ къæх фездыхт æмæ ма хæраджы æнцæйтты тыхмадзæлттæй æрбахæциæ сæхимæ*» [7, 88]. – «Перескакивая через **взбаламученную** воду, он подвернул ногу и с трудом, опираясь на осла, добрался домой».

Употребляясь без определяемого слова, причастия на *-д/-т* могут и субстантивироваться: «*Ехсы цæф хъамайы рæхуыстæй æгаддæр уыд*» [7, 88]. – «Рана от кнута позорнее **удара** кинжала».

Для причастий на *-æг* характерен такой набор грамматических значений: несовершенный вид, настоящее время, действительный залог. Семантика несовершенного вида проявляется в качестве *конкретно-процессного* значения

(действие конкретное, единичное, в процессе протекания), например: «*Арæг усы уæлхъус гæппæввонгæй йæ гамхуды бын лæууыди удисæг дæр*» [7, 136]. – «Смерть, невидимая в шапке-невидимке, стояла на чеку рядом с **рожающей** женщиной».

В том случае, если обозначаются постоянные действия, видовое значение может сопровождаться модальным оттенком (возможности, невозможности, способности и т.д.), например: «*Æхсадæрдæ Гасионы куырдиат нæ уромæг зæхх айста æмæ йын Мадымайрæм фæд-фæдыл балавар кодта æрта цæрæциæг лæппуы*» [7, 171]. – «Чисто-сердечная мольба Гасиона не осталась безответной со стороны **выдерживающей** (способной выдержать. – Авт.) нас земли, и святая Богородица преподнесла ему в подарок трех здоровых мальчиков»; «*Фыдуаг зымæг фæци æмæ мардæгасгæнæг уалдзæг æрдзы ног цъæх дариты аргъауы чындзау сфæлдыста*» [7, 217]. – «Настал конец суровой зиме, и **оживляющая мертвых** весна пожаловала в новых зеленых одеяниях, подобно сказочной невесте».

В соответствующем контексте (например, при наличии обстоятельств кратности действия, множественного числа объекта) действия, обозначаемые этими причастиями, могут приобретать обычный, повторяющийся характер, в этом случае выражается *неограниченно-кратное* значение: «*Уыцы тыхст рæстæг ирмæ богал нæ уыдис æмæ сæ уынаффæгæнæг лæгтæ састбазыр цæргæстау сæргуыбыр, уæнтæхъилай бадгæ адзалагн мадзал агуырдытой*» [7, 307]. – «Поскольку в то беспокойное время в Осетии не сыскать было богатыря, мужчины, **принимающие** решения, понуро сидели с поникшими головами, как орлы со сломанными крыльями, и искали выхода из такого положения».

Одним из наиболее интересных и употребительных случаев функционирова-

ния форм несовершенного вида глагола в русском языке является обобщенно-фактическое значение, в котором актуализируется факт наличия или отсутствия действия, а остальные аспектуальные характеристики – целостность, кратность, длительность – оказываются не столь важными, во всяком случае, эксплицитно не выражаются, а могут лишь подразумеваться. Это значение обычно выражается сопряженными значениями несовершенного вида и прошедшего или будущего времени. Для причастий на *-аг*, как и для других осетинских причастий несовершенного вида, это значение невозможно в силу совпадения в них грамматических категорий вида и времени, подобно тому, как это наблюдается в русских деепричастиях: об абсолютном временном значении деепричастий нет смысла говорить, можно ограничиться только их видовой характеристикой, так как несовершенный вид деепричастия означает всегда настоящее время, а совершенный вид – прошедшее. Таким образом, поскольку у осетинских причастий невозможно совместное функционирование в одной словоформе прошедшего времени и несовершенного вида, то оказывается невозможным и обобщенно-фактический тип употребления, возникающий благодаря такой видовой связке.

Парадигма причастий несовершенного вида в русском языке включает формы и настоящего, и прошедшего времени (например, *ремонтующий* – *ремонтировавший*). Такая особенность русских причастий обусловлена сложным характером взаимоотношений, возникших между семантической категорией предельности / неопределенности и грамматической категорией вида в русском языке. Семантическая категория предельности / неопределенности – это языковая универсалия, в русском языке она находится в основе категории вида, на этом признаке основывается общее (инвариантное)

видовое значение. Причем признак ограниченности-неограниченности действия пределом, являясь универсальным, охватывает всю глагольную лексику независимо от того, является глагол соотносительным или несоотносительным по виду. Вместе с тем сама категория вида тоже повлияла на семантическую категорию предельности / неопределенности, разделив предельные глаголы на две разновидности – с реальным и потенциальным пределом (*строить дом* – предел потенциальный, *построить дом* – предел реальный), т.е. охватив предельные глаголы значением целостности / нецелостности. В деепричастиях наблюдается другая картина, поскольку по происхождению они являются застывшей формой именительного падежа причастий.

В осетинском языке нет подобных сложных взаимоотношений между категорией вида и семантической категорией предельности / неопределенности, поэтому присоединение приставки всегда изменяет несовершенный вид на совершенный.

Префиксальные причастия на *-аг* представлены значительно реже, чем беспрефиксные. В этом случае они выступают в конкретно-фактическом частном видовом значении совершенного вида: «Уастырджы дæр дзуапдæттæн бынаты æрлаууыд æмæ йын Дуне рафæлдисæг цытджын Хуыцау бар куы радта, уæд йæ балцы хабæрттæ анывæзта» [7, 357]. – «Когда святой Георгий предстал на месте, где надлежит держать ответ, великий Господь, создавший весь мир, предоставил ему слово, и тот стал повествовать о своих путешествиях»; «Нал уæз кæны Хату йæ раттæг зæххæн» [7, 209]. – «Хату не отягчает больше родившую его землю».

При наличии в контексте показателя ограниченной повторяемости действия можно говорить о суммарном значении. Хотя подобные случаи не зафиксированы в нашем материале, можно, например, сконструировать такое предложение:

Æртæ хатты рамбулæг богалæн радтой хорз лæвар. – Ценный приз был вручен **трижды выигравшему** борцу.

Относительно залогового значения причастий на *-æг* мы разделяем мнение В.И. Абаева, который оценивал его как действительное [2, 63]. Например: «– *О рухс Аларды, табу дын уæд, дæ кууæг адамай чидæртæ сæрра*» [7, 156]. – «– О светлый Аларды, будь благословен, некоторые из **молящихся** тебе людей помешались рассудком».

В страдательном значении причастия на *-æг* не зафиксированы в нашем материале, хотя некоторые исследователи не исключают такой возможности (например: [12, 342]).

Интересно, что данный разряд причастий характеризуется наибольшей подверженностью субстантивации и адъективации, т.е. переходу в разряд существительных и прилагательных. При субстантивации причастия, приобретая грамматические особенности существительных, начинают склоняться.

Своеобразие системы причастий в осетинском языке проявляется в существовании причастий будущего времени (на *-инаг*). Эти причастия характеризуются не столько семантикой будущего времени, сколько модальным значением, которое проявляется в разных оттенках в зависимости от семантики самого причастия и контекста, ситуации (целесообразность, необходимость, намерение и т.д.) [13]. Наиболее типичная для этих причастий – функция сказуемого: «– *У-у, джауыртæ, сымах дæлимонтау сафинаг стут!*» [7, 64]. – «– Вас, неверных, **надо уничтожить** подобно чертям».

Однако атрибутивная функция для них тоже возможна: «*Æвæццæгæн ын хъыг уыди, тагъд фæуинаг куыст кæй нал ссæрдта, уый, æмæ æнæбарыгомау загъта...*» [14, 18]. – «Наверно, не найдя работу, которую **возможно было** быстро **сделать**, он огорчился, поэтому нехотя произнес...»

Хотя эти причастия квалифицируются как причастия будущего времени, однако актуальна в них именно модальная семантика – в рамках ирреального действия выражается целесообразность, необходимость, возможность и т.д., а на временное значение указывает глагольная связка. Например, реальность-нереальность действий, выраженных причастиями на *-д* и на *-инаг*, наглядно иллюстрирует данный пример: «*Мæнæн-иу æхсызгон кæм уыдаид, афтæ сæрыстыр кæмæй уыдтæн, мæ уыцы райгуыраен хъæу, гуырд у æви гуыринаг у, уый дæр чи нæ зоны, зæххыл ма ахæмтæ дæр кæй ис, ууыл баууæндын, фæлæ-иу мæхиуыл ныхæцгайæ, дарддæр дзуапп лæвардтон*» [15, 12]. – «Я, разумеется, огорчился, что находились такие люди, **рожденные** или **собиравшиеся родиться**, которые не слышали о моем родном селе...»

Причастия будущего времени в равной мере могут иметь действительное и страдательное значение, например: «*Лæппу бæрзонддæр кæнинаг уыди йæ зарæджы зæлтæ, фæлæ йæ нал сфæрæзта*» [7, 13]. – «Юноша **собирался было взять** более высокую ноту, но ему это не удалось»; «*Фæлтау мæ рахиз уонг куы ахаудаид æмæ удыгагайы хуызæн зæххы гæппæл уаринаг куы нæ фæуыдаид*» [7, 106]. – «Пусть бы у меня лучше отсохла правая рука, лишь бы не **пришлось делить** (букв.: не стал **подлежащим дележу**. – Авт.) этот благодатный клочок земли».

Видовая семантика причастий будущего времени определяется наличием-отсутствием префикса: «– *Мæнæ чысыл раздæр хъæдæй æрхызт арыхъаг богъаты хуызæн дыууæ бынбауинаг лæджы*» [7, 96]. – «Несколько ранее возникли из леса двое мужчин, **обреченных на смерть**, похожих на арыкских быков»; «*Дæхи мауал хæр, цы 'рцæуинаг уыд, уый æрцыд*» [7, 212]. – «Не вини себя, случилось то, что **должно было случиться**».

В русском языке, как мы упоминали выше, деепричастия по происхождению

восходят к причастиям, но в настоящее время выступают как самостоятельная неличная форма глагола, отличающаяся от причастий по своим грамматическим особенностям. В осетинском языке такой специальной деепричастной формы нет, но в функции деепричастий часто выступают причастия на *-гæ*, которые поэтому так и называют смежной причастно-деепричастной формой [2, 64].

В проявлении своих видовременных значений эти причастия не проявляют каких-либо предпочтений и в одинаковой мере могут характеризоваться настоящим временем и несовершенным видом или прошедшим временем и совершенным видом: «– *Мæнæн та у ме ссаргæ лæнту*» [7, 91]. – «Для меня он **обретенный** мной мальчик»; «*Мах дæр, сымах хуызæн фыдæбонгæнæг, иу комæй рацæугæ хохаг адам стæм*» [7, 341]. – «Мы такие же труженики, как и вы, **вышедшие** из одного ущелья».

Значение залога у этих причастий в равной мере представлено как активное, так и пассивное. Например, активное значение: «*Майрам сæгуытау асаррæтт ласта, судзгæ хсидав раскæфта æмæ йæ фæдисон макъуылыл бадардта*» [7, 89]. – «Майрам, прыгнув как олень, выхватил **горящую** головешку и поднес ее к стогу сена».

Эти причастия могут иметь значение и страдательного залога: «*Ноджы уæды дуджы фылдæр адамыл æлхæнгæ дарæс наема уыд*» [7, 274]. – «Большинство людей в то время не имели **покупаемой** одежды».

Причастия на *-гæ* совершенного вида функционируют в *конкретно-фактическом* значении: «*Мах дæр, сымах хуызæн фыдæбонгæнæг, иу комæй рацæугæ хохаг адам куы стæм*» [7, 341]. – «Мы такие же труженики, как и вы, **вышедшие** из одного ущелья».

В несовершенном виде причастия на *-гæ* встречаются в *конкретно-процессном* значении: «*Афæдзы фæстæ Паго йæхицæн дæр æмæ йæ фыййауæн дæр наргæ*

чындзæхсæвтæ скодта, æмæ сын цард ацайдагъ» [7, 334]. – «Через год Паго сыграл сразу две **грохочущие** свадьбы – себе и своему пастуху, и потекла у них жизнь».

Если причастием обозначается постоянное действие, представлен *постоянно-непрерывный* тип употребления, например: «*Кæсгон адам уазджытæм æгас цу зæгъынмæ цыдысты æмæ сын номылдаргæ лæвæрттæ кодтой*» [7, 323]. – «Кабардинцы подходили к гостям поздравиться и преподносили им подарки, которые **напоминали бы** об их дарителях».

Более типичная синтаксическая функция этих причастий – атрибутивная, но возможна и предикативная.

Самый нерегулярно функционирующий, редкий разряд осетинских причастий – это причастия на *-он*, которые представлены в нашем материале единичными примерами. Например: «*Фыдзонд, æнæджелбетт, хиуарзон, цыбыркъух...*» [14, 143] – «Своенравный, взбалмошный, **любящий только себя** (эгоистичный. – *Авт.*), короткорукий...»

Эти причастия характеризуются грамматическими значениями настоящего времени, несовершенного вида, чаще страдательного залога (*warzon* – «любимый», *ew-daron* – «постоянно носимый», но *baron* – «прощающий» – действительный залог).

Таким образом, в современном осетинском языке представлена разветвленная система причастий, которая включает в себя пять разрядов, разнообразных в своих грамматических проявлениях, в степени регулярности, в склонности переходить в состав других частей речи. Причастия на *-д / -т* и причастия на *-æг* являются более определенными, регулярными и менее склонными переходить в другие части речи, а причастия на *-гæ* (смежная причастно-деепричастная форма), причастия на *-инаг* и самый нерегулярный разряд – причастия на *-он* являются менее определенными и более подверженными конверсии.

Наиболее значительные отличия осетинских причастий от русских – это существование причастий будущего времени в системе осетинского языка, отсутствие показателей времени и залога у осетинских причастий (тогда как в русских причастиях формальное выражение залога и времени более последовательно, чем у личных форм глагола). В осетинском языке причастия имеют глагольные грамматические категории, но лишены именных категорий.

Аспектуально-темпоральная семантика осетинских причастий определяется наличием или отсутствием префикса, т.е. префикс переводит причастие в совершенный вид. Исключения составляют причастия на *-д / -т*, всегда характеризующиеся значением совершенного вида независимо от префикса. Таким образом, в причастиях на *-д / -т*, в отличие от всех других разрядов причастий, формальным показателем вида и времени выступает суффикс.

В осетинском языке между категориями времени и вида возникают более определенные отношения, в том числе и в причастиях (несовершенный вид выступает во взаимодействии с настоящим временем, а совершенный – с прошедшим). Это обуславливает и некоторые отличия осетинских причастий в наборе частных видовых значений. Например, в языковом

материале не встретился обобщенно-фактический тип употребления, что объясняется совпадением в причастиях категорий вида и времени и, соответственно, невозможностью совместного функционирования несовершенного вида и прошедшего времени. Специфическое модальное значение (целесообразности) зафиксировано у причастий на *-инаг*.

Значение залога у осетинских причастий зависит от переходности глагола и от контекста. Хотя одни разряды причастий чаще выступают в активе (например, причастия на *-агг*), другие – в пассиве (например, причастия на *-д / -т*), или же одинаково часто функционируют в активе и пассиве (например, причастия на *-гаг*, причастия на *-инаг*).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о меньшей регулярности осетинских причастий сравнительно с причастиями в русском языке и большей их склонности к конверсии (переходу в разряд существительных, деепричастий, прилагательных, слов категории состояния).

Отличает осетинские причастия от русских и отсутствие у них членных (полных) форм, хотя при этом они могут функционировать в роли и сказуемого, и определения, хотя в большей степени тяготеют к предикативной роли.

Примечания:

1. При переводе примеров с осетинского языка на русский использованы Русско-осетинский словарь В. И. Абаева [8] и Большой русско-осетинский словарь Л. Б. Гацаловой и Л. К. Парсиевой [9].

1. Абаев В. И. О залоговой недифференцированности причастий // Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I. С. 567-571.

2. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.

3. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Орджоникидзе, 1965. Ч. I.

4. Грамматика осетинского языка / под ред. Г. В. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963. Т. I. Фонетика и морфология.

5. Кунавин Б. В. Сопоставительная характеристика причастий в современном русском и осетинском языках // Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие». Владикавказ, 2001. С. 81-86.
6. Кудзоева А. Ф., Качмазова Е. С., Шафаги М. Сравнительно-сопоставительный анализ причастий в персидском, русском и осетинском языках // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30 (69). С. 103-111.
7. Хъайтыхъты А. Азæмæты таурæгътæ / А. Кайтуков. Сказания. Дзæуджыхъæу, 2004. (на осет. яз.)
8. Абаев В. И. (сост.). Русско-осетинский словарь / ред. М. И. Исаев. 3-е изд. М., 2000.
9. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ, 2011.
10. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
11. Годизова З. И. Видовременные значения причастий совершенного вида: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1992.
12. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
13. Годизова З. И., Габисова Д. В. Grammatical peculiarities of the participles in contemporary Ossetic // Седьмая международная конференция по иранскому языкознанию (ICIL7). 28-30 августа 2017 г.: Сборник тезисов. М., 2017. С. 34-36.
14. Мæрзойты Сергей. Хъысмæт: Уацаутæ. Дзæуджыхъæу, 2000. (на осет. яз.)
15. Дзасохты М. Дæллаг Ир. Дзæуджыхъæу, 2007. (на осет. яз.)

Godizova, Zara I. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); godizovazi@rambler.ru

Gabisova, Dzerassa V. – Vladikavkaz Institute of Management (Vladikavkaz, Russia); dove74@mail.ru

SYSTEM OF PARTICIPLES IN THE OSSETIAN LANGUAGE COMPARED TO THE RUSSIAN LANGUAGE.

Keywords: *Ossetian language, Russian language, participle, grammatical categories, categories of aspect, tense, voice, pledge, conversion.*

The relevance of the undertaken study is determined by the fact that participles in the modern Ossetian language are still insufficiently studied. There are only the most general descriptions of grammar features of participles. The comparison of the system of participles and their grammar features seems interesting and actual, especially considering the fact that the Ossetian and Russian languages belong to different groups of the Indo-European language family. Furthermore, in the context of bilingualism the Russian and Ossetian languages interact actively and that can affect the system of participles. The scientific novelty of the article is determined by the fact that it examines the grammatical features of all categories of participles in the Ossetian language in comparison with the Russian language. The conducted research allowed to elicit five categories in the system of participles in the modern Ossetian language. The analysis of the results showed the participles are diverse in their grammatical characteristics, in the degree of regularity, and in the tendency to transition into other parts of speech. The research defined the most significant differences between Ossetian and Russian participles: existence of future participles in the system of the Ossetian language; absence of adjectival grammar categories of gender, number and case as well as formal markers of tense and voice in Ossetian participles. The tense category in Ossetian subordinates to the aspect category to a far greater extent; therefore the imperfective aspect of participles accepts the present tense forms only, while perfective acts in the past tense forms; Ossetian participles

lack explicit voice opposition. Ossetian participles do not have full forms, but they can have syntactic functions of both the predicate and the attribute in a sentence, although the predicative function is more typical for them. Participles in the Ossetian language are much less common compared to participles in Russian and are more disposed to conversion (transition to the category of nouns, verbal adverbs, adjectives, words of the state category).

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *O zalogovoi nedifferentsirovannosti prichastii* [On voice differentiation lack of participles]. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [The Ossetian language and folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. I, pp. 567-571.
2. Abaev, V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical essay on the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 168 p.
3. Bagaev, N. K. *Sovremennyyi osetinskii yazyk* [The modern Ossetic language]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965, vol. I. 487 p.
4. Akhvlediani, G. V. (ed.) *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2-kh t.* [Grammar of the Ossetic Language. In 2 vols]. Ordzhonikidze, Research Institute at the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1969, vol. I. 227 p.
5. Kunavin, B. V. *Sopostavitel'naya kharakteristika prichastii v sovremennom russkom i osetinskom yazykakh* [Contrastive characteristics of participles in the modern Russian and Ossetic languages]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Russkii yazyk i yazyki narodov Rossii: funktsional'noe i strukturnoe vzaimodeistvie»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «The Russian Language and Languages of the peoples of Russia: functional and structural interaction»]. Vladikavkaz, 2001, pp. 81-86.
6. Kudzoeva, A. F., Kachmazova, E. S., Shafaghi, M. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz prichastii v persidskom, russkom i osetinskom yazykakh* [Comparative analysis of participles in Persian, Russian, and Ossetian languages]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 30 (69), pp. 103-111.
7. Kaitykty, A. *Azæmæty tauræg»tæ* [Tales of Azamat]. *A. Kaitukov. Skazaniya* [A. Kaitukov. Legends]. Dzauzhikau, Ir, 2004, 360 p. (in Ossetian)
8. Abaev V.I. (comp.). *Russko-osetinskii slovar'* [Russian-Ossetian Dictionary. Ed. by M. I. Isaev. 3rd ed.]. Moscow, Nauka, 2000. 583 p.
9. Gatsalova, L. B., Parsieva, L. K. *Bol'shoi russko-osetinskii slovar'* [The Great Russian-Ossetian Dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011. 690 p.
10. Bondarko, A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of the Russian verb]. Moscow, Prosveshchenie, 1971. 239 p.
11. Godizova, Z.I. *Vidovremennyye znacheniya prichastii sovershennogo vida* [The tense-aspect meanings of the perfective participles]. Candidate dissertation (in Philology). Leningrad, 1992. 168 p.
12. *Osnovy iranskogo yazykoznanija. Drevneiranskie yazyki* [Essential Linguistics. Old Iranian Languages]. Moscow, Nauka, 1979. 387 p.
13. Godizova, Z. I., Gabisova, D.V. Grammatical peculiarities of the participles in contemporary Ossetic. *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po iranskomu yazykoznaniyu (ICIL7). Sbornik tezisov* [Abstracts of the Seventh International Conference on Iranian Linguistics (ICIL7). (Moscow, August 28-30, 2017)]. Moscow, 2017, pp. 34-36.
14. Marzoity, S. *H»ysmæt: Uatsautæ*. [Fate]. Dzauzhikau, Ir, 2000. 392 p. (in Ossetian)
15. Dzasokhty, M. *Dællag Ir* [lower Ir]. Dzauzhikau, Ir, 2007. 487 p. (in Ossetian)